

Жареные юанься, приготовленные на раскалённом масле, всегда были самыми популярными среди закусок, и так было издавна.

Стоит только обжарить что-нибудь в масле, и даже самый скромный и пресный ингредиент приобретает аппетитный аромат и нежную текстуру, словно по волшебству. В древности, когда производственные мощности были крайне ограничены, даже простое жарение пищи стало широко распространённым лишь в предыдущей династии, не говоря уже о таких излишествах, как щедро наполненный маслом горшок, который с легкостью использовал Цинь Ся.

И вот, перед этой «роскошной» сценой, главный ингредиент для жарки оказался самым простым и обыденным – традиционные юанься, которые в каждом доме обычно просто варили в воде.

Один рассказал другому, другой – третьему, и вскоре толпа зевак собралась у лотка Цинь Ся и Лю Доуцзы, привлечённая их зазывными криками, чтобы попробовать на вкус, каким же получаются жареные юанься.

- А-Цзю, убавь огонь! – негромко сказал Цинь Ся, аккуратно помешивая юанься в масле железной ложкой, чтобы те не прилипли ко дну. При этом он обратился к Юй Цзюцюэ, который присел рядом и управлял огнём.

В отличие от современных газовых плит, древние дровяные печи были куда менее удобны для контроля температуры, а жарка в масле требует предельной точности в этом вопросе.

К счастью, между Цинь Ся и Юй Цзюцюэ уже установилось полное взаимопонимание.

Получив команду, Юй Цзюцюэ надел толстые перчатки, ловко вынул щипцами несколько поленьев и быстро потушил огонь. В масле в котле из глубины начали подниматься крохотные пузырьки. Цинь Ся, заметив, что температура подошла, выловил юанься большой шумовкой и, взяв железную ложку, начал осторожно простукивать каждый шарик.

Снаружи юанься оставались белыми, но, стоило ложке коснуться их поверхности, как слышался сухой хруст – корочка уже затвердела.

- Хозяин, ты же обещал жареные юанься! Чего это ты их вылавливаешь и стучишь? Мы же ждём, чтобы попробовать!

- Да-да, чего ты медлишь? Жарь уже скорее!

Зеваки, наблюдающие за процессом, недоумевали и считали, что Цинь Ся тянет время.

Цинь Ся, не теряя самообладания, простучал все юанься и снова отправил их в масло, только после этого ответив:

- Этот этап нужен, чтобы выпустить воздух из юаньсяо. Если этого не сделать, при долгой жарке они могут лопнуть и разбрызгать масло.

Затем он добавил:

- Если кто-то из вас захочет приготовить такое дома, обязательно запомните это. Не устранив воздух, вы рискуете не только испортить кухню, но и травмироваться.

В прошлой жизни Цинь Ся помнил, как на новогодние праздники частенько сообщалось о несчастных случаях при жарке юаньсяо. Обычно причина крылась в том, что их жарили, не разморозив, или не удалив изнутри воздух.

Едва он договорил, как кто-то из толпы со смехом заметил:

- Да праздник-то уже прошёл! У кого дома найдётся столько масла, чтобы жарить юаньсяо?

- Верно! Такое попробуешь только на улице, дома на такое никто не решится.

Хотя людей в ожидании становилось всё больше, после объяснений Цинь Ся толпа постепенно успокоилась и терпеливо затаилась.

Цинь Ся несколько раз простучал юаньсяо, чтобы убедиться, что они полностью прожарились изнутри, после чего велел Юй Цзюцюэ снова разжечь сильный огонь.

Шарики снова отправились в масло, и на глазах начали золотиться.

Когда юаньсяо почти были готовы, стало очевидно, что в одной порции их количество ограничено. Те, кто стоял в очереди, начали громко переговариваться.

- Я первый пришёл, отдайте мне!

- Мне две порции!

- Ты же один, зачем тебе две? Ты купишь, а мне придётся ждать следующую партию!

- У меня с мужем одна порция на каждого, где ты тут перебор нашёл?

Рядом с лотком, где стояли железная плита и котёл с маслом, началась лёгкая суматоха. Цинь Ся, заметив, что ситуация выходит из-под контроля, повысил голос:

- Прошу вас, вставайте в очередь! Не больше двух порций на человека, всем хватит!

Лю Доуцзы, быстро закончив с приготовлением двух порций обжаренного тофу, вышел из-за лотка, чтобы помочь поддерживать порядок.

А у Юй Цзюцюэ и вовсе не было ни минуты передышки - он всё время принимал деньги.

- Два куриных каркаса, три порции пятицветных пирожных, две порции жареных юаньсяо, верно? С вас всего пятьдесят шесть вэнь.

- Кисло-острый суп сегодня не продаём, может, попробуете что-нибудь другое?

- Для тех, кто предпочитает постное, у нас есть жареный тофу и шпажки с тофу в курином бульоне - это отличный выбор! Оплатили? Становитесь в очередь справа.

На лотке было много угощений, и, поскольку оплата шла через Юй Цзюцюэ, он разложил деньги по двум отдельным кошелькам, чтобы ничего не перепутать. Это было испытание и для его головы, и для языка.

Наконец, под звон медяков, упавших в кошельки, первая партия жареных юаньсяо отправилась к ожидающим. Два стола у лотка семьи Цинь давно были заняты, кто-то уносил еду с собой, а кто-то тут же находил уголок, чтобы попробовать угощение.

- Осторожно, горячо. Дай мама подует! - женщина, получившая от мужа одну порцию жареных юаньсяо, бережно держала коробку в руках.

В коробке лежало всего пять золотистых, идеально круглых шариков. Женщина вначале возмутилась - за десять вэнь можно было купить целую чашку варёных юаньсяо вместе с бульоном, и там их было гораздо больше. А тут получается, что за каждый шарик она заплатила по два вэня! Не иначе как за золото берут!

Но, увидев угощение своими глазами, её мнение изменилось. Юаньсяо из ларька семьи Цинь были заметно крупнее тех, что она привыкла видеть на других рынках - один шарик был размером с два обычных. Более того, когда она, опасаясь, что ребёнок обожжётся, проткнула один шарик бамбуковой шпажкой, чтобы выпустить горячий воздух, её нос тут же наполнился насыщенным ароматом чёрного кунжута.

- Мама! Мама! - девочка дернула её за рукав, предвкушая угощение.

Младший сын, сидящий на руках у мужа, радостно размахивал крошечными ручками, ожидая свою порцию.

Женщина осторожно поднесла один из юаньсяо к губам, чтобы проверить температуру, и, убедившись, что шарик больше не обжигает, подала его ребёнку.

- Можно есть, но не глотай большими кусками, откусывай понемногу, понял? - с заботой наставляла она.

Накормив сына одним шариком, женщина взяла следующий и протянула мужу:

- Ты тоже попробуй.

Муж покачал головой, улыбнувшись:

- Я сладкое не люблю, пусть вам с сыном достанется.

Обычно они не тратились на подобные лакомства - десять вэнь за порцию считались для их семьи расточительством. Только по случаю праздника они позволили себе такое. А тут всего пять шариков - разве он станет отнимать у своих близких?

Но через мгновение жена, решительно настроенная разделить с ним радость, всё-таки поднесла половину юаньсяо к его губам. Муж, с лёгкой улыбкой, полной нежности, неохотно открыл рот и съел угощение.

Тем временем Цинь Ся уже жарил вторую партию юаньсяо. Лю Доуцзы взял на себя жарку куриных каркасов на железной плите, а Юй Цзюцюэ, между подсчётом доходов, успевал извлекать пирожные Бочжайгао из форм и вставлять в них бамбуковые шпажки.

Среди посетителей оказалась семья Син Имина. Они купили по порции каждого угощения и заняли место за одним из столов у лотка, наслаждаясь тёплым вечерним пиршеством.

- Наверное, из-за фонарей, зажжённых повсюду, кажется, что на ночном рынке сегодня совсем не холодно, - задумчиво заметил Син Имин, ожидая своей порции жареных юаньсяо.

- Погода действительно благоприятная: ясное небо, безветренно - лучше не придумаешь для прогулок под фонарями, - отозвался Юй Цзюцюэ, выкроив минуту в своём расписании.

Супруга Син Имина, Цуй Жао, улынулась:

- Наш округ Цинань с каждым годом становится всё краше. По дороге сюда я заметила много новых причудливых фонарей.

- Дядя, посмотри на мой фонарь-фею! - с гордостью воскликнула малышка Син Юань, высоко

поднимая фонарь.

Красная лакированная ручка с верёвочкой заканчивалась изящным бумажным фонарём, выполненным в виде парящей феи. Её тонкие одежды и ленты казались развевающимися на ветру, делая фонарь настоящим произведением искусства.

- Прекрасно выглядит, - искренне похвалил Юй Цзюцюэ, но тут же заметил, как девочка протянула ему другой фонарь.

- А это - мой фонарь в виде вазы, он мне тоже очень нравится, и я хочу подарить его тебе, дядя!

Фонарь в форме вазы был не редкостью, поскольку символизировал удачу, но этот выделялся своей утончённой красотой. Украшения на нём - цветы и листья - казались почти живыми, а капельки росы на лепестках были столь детализированы, что выглядели настоящими.

Когда фонарь покачивался на ветру, он отбрасывал на землю замысловатые световые узоры, от которых невозможно было оторвать взгляд.

- Раз уж он тебе так дорог, как я могу его взять? - с лёгким смущением сказал Юй Цзюцюэ.

Но Син Юань настойчиво настаивала:

- Дядя Цинь и ты всё время заняты продажей еды и не можете прогуляться по рынку фонарей. Так пусть этот фонарь станет вашим - повесьте его дома, и это будет всё равно что вы там побывали!

Ранее Цинь Ся не обращал внимания на разговоры вокруг, но именно детская фраза задела его за живое. Если бы не заботы о заработке, он, конечно, предпочёл бы прогуляться с Юй Цзюцюэ по ночному рынку фонарей, окунувшись в атмосферу романтики, описанную строками: «Луна поднимается над верхушками ив, встреча происходит в сумерках».

Бросив взгляд на фонарь в форме вазы, Цинь Ся молча подумал: если он закроет лоток до полуночи, праздник всё ещё будет считаться незавершённым. Тогда он тоже купит фонарь, чтобы подарить тому, кто рядом.

Юй Цзюцюэ в конце концов принял подарок, но, чтобы фонарь не испачкался в кухонной суете, аккуратно положил его на тележку, прислонённую к дереву, и пообещал Син Юань, что дома обязательно повесит его.

- Mam, а можно мне в следующий раз пойти в гости к дяде Циню, чтобы посмотреть на фонари?
- неожиданно спросила девочка.

Цуй Жао слегка щёлкнула дочери по лбу кончиком пальца.

- Что за фонари? Тебя ведь не фонари интересуют, а их гусь!

Утром Син Имин зашёл к Цинь Ся передать сообщение и потом с восторгом рассказывал дома, как маленький гусёнок у семьи Цинь вырос в огромного гуся. Он оказался необычайно умным, прекрасно охранял дом, и этим снова разжёл почти угасший интерес Син Юань к Дафу.

Перед её умоляющим взглядом Цуй Жао не смогла устоять и согласилась:

- Когда два дяди будут свободны, папа отведёт тебя туда.

Получив утвердительный ответ, девочка радостно улыбнулась, и её щеки украсили ямочки.

В это время Юй Цзюцюэ как раз принёс блюда. Помимо обычных лакомств, вроде жареных куриных каркасов и главного угощения – жареных юаньсяо, на столе появились две чашки молочного чая, разогретого на печи.

Чай подали в специальных бамбуковых чашках, от которых поднимался лёгкий ароматный пар, пропитанный молочной и чайной нотами.

- Это и есть тот самый молочный чай, о котором ты говорил? – первым взял чашку Син Имин, чувствуя приятное тепло, которое она излучала. Чай был достаточно горячим, чтобы согреть руки, но не обжечь.

Цуй Жао и Син Юань взяли одну чашку на двоих, так как Цинь Ся предупредил: хотя чай и приготовлен на основе красного чая, детям он может помешать уснуть ночью.

- Хм... этот вкус... – Син Имин, верный своему принципу пробовать всё новое первым, сделал глоток.

На вкус это оказалось совершенно не таким, как он ожидал!

Во времена предыдущей династии, когда процветали искусства приготовления чая, существовало подобное лакомство, называемое «чай с молоком» или «ча жу». Его готовили, сначала заваривая чайный отвар, а затем добавляя молоко. Знатоки могли даже создавать рисунки на молочной пене с помощью чайной пудры.

Син Имин пробовал этот «ча жу» в прошлом. Но тогда чай оставался чаем, а молоко – молоком, и вкус получался странным, совсем не таким, к какому он привык. Он никогда не был поклонником таких напитков.

Кто бы мог подумать, что молочный чай, приготовленный Цинь Ся, объединит чай и молоко так гармонично, что их вкусы сольются в совершенном балансе. Напиток получился невероятно мягким, с шелковистой текстурой, насыщенным и сладковатым, с длительным послевкусием, обволакивающим губы и нёбо.

После глотка молочного чая уместно было съесть жареный юаньсяо, а затем сменить вкус солёными блюдами – жареным тофу или куриным каркасом. Син Имин, который сперва собирался сходить за кувшином вина, отказался от этой мысли. «Молочный чай – и так прекрасно!» – решил он.

Чай понравился всем. Цуй Жао и Син Юань тоже пришли в восторг. Мать и дочь по очереди отпивали из одной чашки, быстро допив её почти до дна. На лицах осталась заметная тоска по последним каплям, но даже Цуй Жао не решилась налить ещё – бессонница ночью им точно была не к стати.

□□.....

С тех пор, как Цинь Ся открыл ларек, прошёл уже час.

Жареных юаньсяо осталось совсем немного, но молочного чая продали всего полкувшина, причём это произошло исключительно благодаря тому, что семья Син Имина сидела за столом, словно живая реклама, наслаждаясь напитком.

Первая волна покупателей, когда казалось, что нужно вырастить восемь рук, чтобы всех накормить, постепенно утихла. У Цинь Ся наконец появилась возможность перевести дух и обдумать, как популяризировать новый продукт.

Многие люди не разделяли любопытства Син Имина, предпочитая держаться подальше от всего незнакомого. К тому же молочный чай воспринимался неоднозначно. В предыдущей династии такие напитки были скорее демонстрацией навыков чайных мастеров, чем популярным лакомством. В сознании людей их вкус оставался экзотичным, а порой даже грубоватым – «пища северных варваров».

Размышляя, Цинь Ся принял решение:

- Надо предложить гостям попробовать чай бесплатно.

Юй Цзюцюэ и Лю Доуцзы поддержали его идею. Они вспомнили, как раньше открывали продажу новых блюд – всегда начинали с бесплатной дегустации. Почему молочный чай должен стать исключением?

Но возникла проблема: в чём подавать пробные порции?

Еду можно было нанизать на бамбуковые шпажки, чтобы её удобно было есть на ходу. Но чай обязательно нужно было наливать в посуду. Бамбуковые чашки, которые они использовали для продажи, не подходили – они не могли их мыть и использовать повторно.

Тут Лю Доуцзы вдруг осенило:

- А что, если взять формы для пирожных Бочжайгао?

- Формы для пирожных? – переспросил Цинь Ся, глядя в направлении, куда указывал Лю Доуцзы. Он тут же рассмеялся:

- Ну конечно! Как же мы могли забыть об этом?

Формы для пирожных идеально подходили под роль маленьких мисочек. Их использовали, чтобы аккуратно вынуть готовое пирожное, и они всегда оставались чистыми. Сейчас было около сорока пустых форм – вполне достаточно для дегустации.

Небольшие формы для пирожных оказались идеальными – в каждую помещалось всего два глотка молочного чая, что как раз подходило для дегустации. Цинь Ся был уверен: те, кто попробует его чай, не смогут остаться равнодушными. Пусть из десяти человек только один-два купят, этого будет достаточно, чтобы компенсировать затраты.

Чай готовили из высококачественного красного чая, привезённого из Нинчжоу. Хотя ингредиенты были дорогими, их расход был небольшим, поэтому даже продажа половины приготовленного молочного чая уже приносила прибыль, а каждая последующая порция становилась чистым заработком.

Чтобы сохранить тепло чая, его не разливали заранее, а предлагали попробовать случайным посетителям или тем, кто покупал другие блюда. Особое внимание уделяли женщинам, герам и семьям с детьми:

- Горячий молочный чай! Попробуйте бесплатно! Если понравится, можете купить.

Сила слов «бесплатно» оказалась непреодолимой.

- Правда бесплатно? А какой он на вкус?

Перед лотком остановились три девушки, прогуливавшиеся по вечернему рынку. Их скромные, но старательно подобранные наряды и румянец на щеках говорили о том, что эти девушки, возможно, не часто позволяли себе такие выходы. В их руках была лишь небольшая связка медных монет, которые они явно берегли.

- Конечно, бесплатно. Сейчас я налью вам по порции, - Юй Цзюцюэ снял крышку с глиняного кувшина, опустил в него бамбуковый черпак и наполнил четыре маленькие мисочки.

- Этот напиток приготовлен из красного чая, молока и сахара. Вкус сладкий, мягкий - попробуйте, сами убедитесь.

Девушка в голубом платье первой взяла чашку, нахмурила тонкие брови и осторожно понюхала:

- Да, пахнет чаем и молоком.

Остальные две девушки, поколебавшись, тоже подняли мисочки и, как маленькие зверьки, принялись, прежде чем отпить.

Очень скоро их лица засияли улыбками:

- Вкусно!

Когда они узнали, что бамбуковая чашка с напитком стоит всего пять вэней и её можно забрать с собой, девушки с удовольствием заплатили по пять монет каждая. Они ушли, довольные, держа свои чашки, словно самое ценное приобретение.

Метод бесплатной дегустации оправдал себя полностью. Молочный чай быстро завоевал популярность, и вскоре было продано ещё десяток чашек.

Ночь становилась всё глубже, но огни ночного рынка продолжали ярко светить, создавая иллюзию нескончаемого дня.

Юй Цзюцюэ подсчитал остатки продуктов:

- Ещё две корзины пирожных, восемь порций балочек, около двадцати куриных каркасов и десяток порций юаньсяо... - он запомнил это и спросил Лю Доуцзы: - А у тебя как?

Лю Доуцзы осмотрел свои запасы и ответил:

- У меня остался один поднос тофу и примерно треть порций куриного бульона с тофу на шпажках.

Он улыбнулся:

- Сегодня торговля просто отличная!

Он привёз целых три подноса тофу, и это был первый раз, когда всё раскупалось так быстро.

Все трое устали, но были довольны. Пока поток покупателей немного поубавился, они по очереди присели на табурет, чтобы отдохнуть и перевести дух.

Цинь Ся, чувствуя через ткань мешочка, что грелка для рук Юй Цзюцюэ начинает остывать, поправил угли, чтобы они снова разгорелись.

Едва тлеющие угольки вспыхнули, и Юй Цзюцюэ подал грелку Цинь Ся, предлагая согреть руки.

- Мне не нужно, - улыбнулся Цинь Ся и, прежде чем Юй Цзюцюэ убрал руку, успел коротко её коснуться.

Ладонь Цинь Ся оказалась горячей и сухой, словно сама была живым источником тепла. Юй Цзюцюэ невольно согнул пальцы, позволяя Цинь Ся обхватить его руку своими. В этом тепле было что-то особенно успокаивающее - гораздо приятнее, чем от грелки.

Тем временем, вдалеке, у моста на улице Баньцяо, собралась группа молодых людей в роскошных одеждах. Возглавлял их юноша в длинном плаще цвета облачной белизны. Его утончённые черты лица и благородная осанка привлекали взгляды прохожих. Он с улыбкой беседовал с девушкой, чьё лицо было безмятежным и холодным, но чьи глаза, яркие как весенние цветы, казались особенно выразительными.

- Третья сестра, ты и вправду не пойдёшь с нами в «Чаньюэ Лоу»? - мягко спросил он. - На верхнем этаже там есть редчайшая гостиная, откуда открывается вид на весь город, освещённый фонарями. Такое удовольствие бывает лишь раз в году, пропустишь - пожалеешь.

Его собеседница, третья дочь семьи Сун, Сун Дунлин, чуть поправила пышный бархатный плащ с вышивкой, обрамляющий её тонкую фигуру. С улыбкой, которую можно было назвать скорее вежливой, чем искренней, она ответила:

- Благодарю за заботу, второй брат. Но уже поздно, я устала и хочу вернуться в поместье. Если бы мне пришлось уйти раньше, чтобы не задерживать вас, это испортило бы вечер всем.

Юноша, слегка разочарованный, кивнул:

- Ну что ж, не стану настаивать. Тогда мы с четвёртой сестрой и братом Ци отправимся туда без тебя.

Прежде чем уйти, девушка, стоявшая рядом с ним, обернулась к Сун Дунлин:

- Третья сестра, ты, наверное, снова собираешься навестить старшего брата? Тогда передавай ему от нас троих привет. Как жаль, что он не может выйти из дома. Если бы нас было пятеро, можно было бы считать это настоящим семейным собранием.

Сун Дунлин, слегка приподняв уголки губ, кивнула, но ничего не ответила.

Когда трое сели в карету и уехали, её вежливое выражение сменилось откровенной досадой.

- Вот уж неудача! Такой хороший праздник испорчен их присутствием, - недовольно пробормотала она.

Семья Сун была купеческой, богатой, но не особенно приверженной строгим традициям. После ужина на праздник Юаньсяо глава семьи Сун с радостью разрешил детям отправиться на улицы посмотреть фонари и развлечься. Сун Дунлин сначала собиралась остаться дома, чтобы провести вечер с больным старшим братом, Сун Юньму. Отец уже дал ей своё согласие, но вмешалась наложница Го, которая посоветовала господину Суну не позволять дочери проводить так много времени с больным сыном. В итоге отец настоял на том, чтобы Сун Дунлин присоединилась к остальным детям.

И теперь она стояла у моста, разглядывая город, освещённый огнями, и с неудовольствием думала, что могла бы быть дома, рядом с братом.

Сун Дунлин наконец смогла избавиться от неприятного общества, воспользовавшись подходящим моментом. В её голове всё ещё крутились мысли о мачехе, наложнице Го. Как и большинство наложниц, та была родом из простого сословия, и её главное достоинство заключалось в красоте. Но с тех пор как мать Сун Дунлин скончалась, а старший брат заболел, Го не теряла времени, стремясь занять место госпожи дома, умело манипулируя отцом.

Её успехи раздражали Сун Дунлин: сын, затем дочь, потом ещё и младший брат, а за ними и потерянный ребёнок - всё это только усиливало привилегии наложницы. А отец с каждым годом всё сильнее забывал о матери и уважении к памяти жены, фактически отдавая предпочтение наложнице и её детям.

Сун Дунлин никогда не могла смириться с таким раскладом, и её отношения с детьми от второй семьи были, мягко говоря, далеки от показного семейного тепла.

В это время её горничная, Сяо Лянь, слегка покраснев от холода, несмело спросила:

- Госпожа, мы возвращаемся домой?

Сун Дунлин собиралась кивнуть, но Сяо Лянь с лёгким беспокойством добавила:

- Госпожа, мы ведь только недавно вышли. Если вернёмся так быстро, господин снова начнёт

вас упрекать.

Сун Дунлин тут же уловила намёк. Её отец редко обращал внимание на подобные мелочи, но наложница Го была мастером плести интриги и добавлять масла в огонь. Она не раз обвиняла Сун Дунлин в упрямом и замкнутом характере, а также в том, что её слишком поздний брак мешает делам семьи.

Сун Дунлин не боялась самой наложницы, но опасалась, что разговоры дойдут до её старшего брата, который, как она знала, будет беспокоиться за неё.

- Тогда давай прогуляемся немного здесь, поблизости, - наконец сказала она.

Сяо Лянь радостно предложила:

- Госпожа, если идти немного вперёд, там как раз начинается улица Банцяо. Это одно из самых оживлённых мест в уезде, давайте прогуляемся там?

Сун Дунлин, некогда обожающая шумные прогулки и часто сопровождавшая отца на дела в городе, с годами всё больше времени проводила рядом с братом, постепенно теряя вкус к светским удовольствиям. Тем не менее она знала, что улица Банцяо всегда кипела жизнью.

- Ну хорошо, раз уж мы здесь. Заодно присмотри, если что-то интересное попадётся, я смогу взять это для брата.

Сяо Лянь проводила госпожу до паланкина, помогла ей удобно устроиться и тщательно закрыла занавески, чтобы защитить от ветра. Лишь после этого она отдала приказ носильщикам.

Паланкин двигался медленно, вливаясь в людской поток на улице Банцяо.

Сун Дунлин не спешила - всё это было для неё способом убить время. Сквозь качание носилок доносились голоса:

- Вот я же говорил, надо было прийти пораньше! Видишь, теперь уже не достать пятицветное пирожное с кукурузным вкусом!

- Всё из-за меня. В следующий раз я тебя послушаю, честно.

- Какой там следующий раз! Ты разве не слышал, что босс сказал? Сегодня его ларек в последний раз работает ночью. Потом он будет продавать что-то другое, и только днём.

- Да ладно тебе! Раз уж их ларек ещё будет работать, то рано или поздно мы попробуем. А пока держи жареные юаньсяо и попробуй молочный чай...

Эти, казалось бы, безобидные перепалки между парочкой привлекли внимание Сун Дунлин.

Она слегка приподняла занавеску, чтобы посмотреть на улицу, и обратилась к Сяо Лянь:

- Узнай, что это за пятицветное пирожное, а также те жареные юаньсяо и молочный чай, о которых они говорили.

*Еще раз жареные юаньсяо ☐☐☐

Горячий чай с молоком ☐☐☐

<http://bllate.org/book/13601/1206044>